

С.Ю. Штейн

*кандидат искусствоведения,
 доцент кафедры кино и современного искусства
 факультета истории искусства РГГУ
sergey@schtein.ru*

ПЕРМАНЕНТНАЯ РЕФЛЕКСИВНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА В УСЛОВИЯХ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Предметом исследования является методологический инструментарий, который мог бы быть использован для перевода искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности из допарадигмального состояния, в котором оно в настоящее время находится, в состояние парадигмальное. Такая методология обнаруживается в результате перехода от используемого в искусствоведении и в гуманитарной науке в целом натуралистического подхода к познанию к подходу к познанию деятельностному, в условиях которого оказывается возможным ведение перманентной рефлексивно-методологической работы – специфической методологической стратегии, позволяющей произвести искомый перевод. Описательно-аналитическая методология, магистрально используемая в изложении предмета настоящего исследования, дополняется прикладным деятельностным подходом и методом теоретического моделирования, позволяющими сконструировать ядро достаточной онтологической схемы предметной области искусствоведения, наличие которой является одним из главных требований для функционального использования перманентной рефлексивно-методологической работы в заявляемом качестве. Новизна исследования заключается в том, что на основе проанализированного специфического для гуманитарной науки методологического инструментария выдвигаются два принципиально новых условия для исследовательской активности в границах искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности, первое из которых позволяет формировать полноценное парадигмальное знание в отношении искусства, а второе – реализовывать функциональную исследовательскую работу, в отношении существующего знания, формирующего искусствоведение как самостоятельную дисциплинарную предметность без парадигмальной составляющей.

Ключевые слова: методология искусствоведения, теория искусства, перманентная рефлексивно-методологическая работа, онтология искусствоведения, метаонтология искусства, методы искусствоведения, наука об искусстве, деятельностный подход, онтологизация, науковедение

Object of research are methodological tools which could be used for the translation of art studies as specific disciplinary object from pre-paradigmatic state in which it is now, in paradigmatic state. Such methodology is explained as result of the transition from the naturalistic approach to cognition as used in art and in all humanitarian sciences to the approach to the active cognition, in the framework of which it is possible to maintain permanent reflexive and methodological activity as a specific methodological strategy allowing to make a required transfer. The descriptive-analytical methodology is introduced as general line in the presentation of the subject of the research, completed with applied activity approach and method of theoretical modeling allowing to construct a sufficient ontological scheme for the subject field of art studies. This methodology is one of the main requirements for the functional use of permanent reflexive and methodological work of sufficient quality. The novelty of the research is that on the basis of the analysed methodological tools, specific to humanities, two essentially new conditions for research activity in art studies area as specific disciplinary object are now put forward, the first of which allows to form a full paradigmatic knowledge in relation to art, and the second allows to implement functional research work, with respect to existing knowledge, reshaping art studies as independent disciplinary object without paradigmatic component.

Keywords: methodology of art studies, art theory, permanent reflexive-methodological work, ontology of art studies, meta ontology of art, methods of art studies, science about art, activity approach, ontologization, science studies

Искусствоведение, как обособленная дисциплинарная предметность, имеет собственную предметную область, в отношении которой учёными-искусствоведами реализуется научно-исследовательская деятельность, целью которой (если рассматривать эту деятельность на самом

общем масштабе) является создание максимально полной и по возможности непротиворечивой знаниевой сетки в отношении данной предметной области. Проблемы, связанные с формированием такого рода знания, обусловлены, во-первых, спецификой самого искусствоведения как дисциплинарной предметности без парадигмальной составляющей, в условиях которого любое знание потенциально вариативно, во-вторых, с дискурсивным характером значительной части искусствоведческих работ, целью которых не является попытка создания знаниевого заместителя в отношении предмета исследования (что характеризует дисциплинарное знание), но некое «размышление по поводу» или же произвольная концептуализация исследуемого (что свойственно для внедисциплинарных дискурсивных представлений), в-третьих, с сегментированностью предметной области искусствоведения на целый ряд отдельных частей, в отношении которых реализуется познавательная активность в условиях специфических субдисциплинарных предметностей (музыковедение, театроведение, киноведение и т.п.), и, наконец, в четвёртых, со смешанным – стагнированно-трансформирующимся характером самой этой предметной области, границы которой к тому же чётко не демаркированы (подробно об актуальных проблемах искусствоведческих исследований см. [Штейн, Актуальные проблемы..., 2017]).

В качестве действенного механизма преодоления данной ситуации может быть предложен переход от используемого в искусствоведении натуралистического подхода к познанию к подходу деятельностному, возможному и функциональному в результате ведения специфической – перманентной рефлексивно-методологической работы, в условиях которой могут быть реализованы две принципиально разные познавательные стратегии – метапарадигмальная и стратегия специальной методологической работы.

1. Натуралистический и деятельностный подход к познанию

Исходной установкой познания является то, что есть нечто – познаваемое, в отношении чего познающим субъектом может быть сформирована специфическая информация – знание, которое так или иначе соотносится с познаваемым, а в идеале – является заместительным, то есть дающим полное представление о познаваемом без непосредственного соприкосновения с ним.

В связи с тем, что познаваемое изначально каким-то образом отделяется познающим субъектом от всего иного и выделяется в качестве чего-то самостоятельного, то можно говорить о том, что познание строится или на принятии познающим какой-то уже существующей онтологической схемы в отношении познаваемого или же на задании собственной онтологии для этого познаваемого (см., например: [Щедровицкий, Проблемы методологии..., 1995; Щедровицкий, 1996; Штейн, Онтологизация как метод..., 2017]).

В условиях натуралистического подхода к познанию, вопрос о механизмах формирования онтологической схемы познаваемого не стоит – познаваемое воспринимается как определённая данность, которая противопоставляется познающему субъекту. Точно также в натуралистическом подходе к познанию в качестве исходной данности принимается всё то, что связано непосредственно с реализуемой познавательной деятельностью – использование определённых средств, подходов и методов, действий и процедур, способов выражения полученного знания.

В границах любой дисциплинарной предметности существует свой специфический набор инструментов, используемых в познавательной деятельности, воспринимаемый научным сообществом, образующим эту предметность, как данность, которая транслируется посредством образовательного процесса и таким образом репродуцируется в новых поколениях исследователей. В результате возможной продуктивной проблематизации может происходить трансформация познавательного инструментария – замена одного другим или же расширение имеющегося за счёт включения чего-то нового, что приводит, во-первых, к необходимости определённой трансформации познавательной активности, во-вторых, к возможному пересмотру части имеющегося знания (в случае возможности получения более качественного или принципиально иного знания, более адекватного познаваемому), а, в-третьих, к изменению образовательных программ.

Деятельностный подход к познанию заключается в том, что для субъекта познаваемым определяется сама познавательная деятельность, которую он ведёт в отношении исходного познаваемого, включая механизм формирования его онтологической схемы. Причём в условиях данного подхода возможна фиксация всех возможных вариативных познавательных стратегий в отношении познаваемого. Таким образом, в условиях деятельностного подхода к познанию раскрывается исходный код мыслительной деятельности, лежащий в основе познавательной активности субъекта, а получаемое знание оказывается соотносимым с познаваемым не напрямую, а через логику, инструменты и алгоритм познавательной деятельности [Щедровицкий, Методологический смысл..., 1995].

Разность рассматриваемых подходов мы можем увидеть на схеме, где изображается натуралистический (рис. 1а) и деятельностный (рис. 1б) подход к познанию, а также через сопоставление определения их продуктивного выхода: продуктом познавательной деятельности в условиях натуралистического подхода к познанию является знание о познаваемом, а продуктом познавательной деятельности в условиях деятельностного подхода к познанию – знание о механизмах получения и выражения знания о познаваемом в условиях натуралистического подхода к познанию, а также механизме формирования собственного знания об этом.

Переход от натуралистического к деятельностному подходу к познанию в условиях, когда познавательная активность реализуется субъектом независимо от той или иной дисциплинарной предметности, не является чем-то проблематичным, ведь функциональность такого рода знания изначально не обусловлена какими-либо рамками. Однако, если этот же субъект реализует познавательную деятельность в условиях определённой дисциплинарной предметности, а, следовательно, продуцируемое им знание должно оказаться функциональным для данной дисциплины, то переход от натуралистического к деятельностному подходу к познанию оказывается весьма проблематичен: во-первых, из-за того, что такой переход связан с необходимостью отказа от всего предыдущего знания (оно просто-напросто неадекватно новому типу знания), во-вторых, потому что новый тип знания из-за своего принципиального отличия не может быть вписан в систему существующего дисциплинарного знания, в-третьих, в связи с тем, что иной принцип познавательной активности оказывается не параллелен существующему познанию, а использует его продукты в качестве исходного материала, без которого он не может быть реализован (по крайней мере в ситуации, когда он заявляется как внутридисциплинарный принцип).

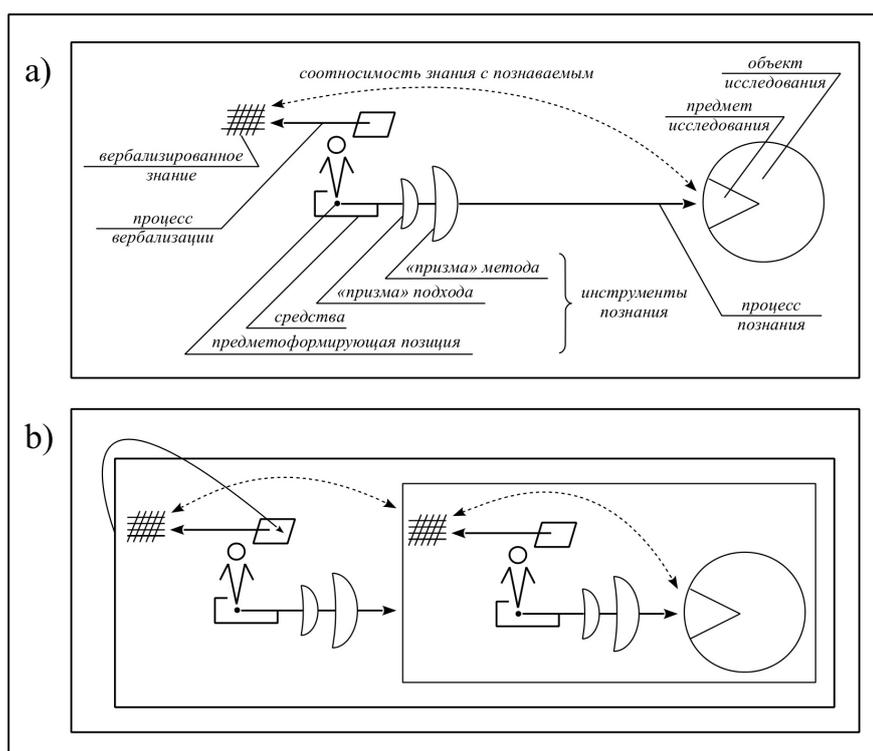

Рис. 1

Действенным инструментом, с помощью которого такой переход в условиях дисциплинарной или дискурсивной познавательной ситуации оказывается всё-таки возможным, является специфическая перманентная рефлексивно-методологическая работа, реализуемая изначально в отношении познавательной деятельности, обусловленной натуралистическим подходом к познанию, а затем – уже потенциально обособленно от неё (от исходного остаётся лишь предметная область) – в форме познавательной активности в условиях деятельностного подхода к познанию.

2. Перманентная рефлексивно-методологическая работа

В самом общем виде рефлексивно-методологическая работа может быть определена как специфическая деятельность, связанная с остановкой реализуемой активности (потенциально – любой, например, познавательной), фиксацией и проблематизацией наличествующего, а также выдвиганием программы по оптимизации данной исходной активности (см., например: [Щедровицкий, Дубровский, 1967; Щедровицкий, Принципы и общая..., 1995; Щедровицкий, О специфических характеристиках..., 1995]).

В условиях познавательной деятельности, реализуемой в рамках натуралистического подхода к познанию, рефлексивно-методологическая работа, как правило, выражается в том, что с её помощью познание по примеру деятельностного подхода к познанию всё-таки рассматривается как специфическая деятельность, которая по тем или иным причинам требует оптимизации, что и является целью рефлексивно-методологической работы, после завершения которой исходная – модернизированная познавательная деятельность возобновляется в тех же рамках натуралистического подхода.

Реализация рефлексивно-методологической работы возможна как силами самих субъектов, включённых в исходную активность, так и с привлечением в качестве эксперта методолога – специалиста по нормированию деятельности как таковой и не связанного изначально установками в отношении какой-то конкретной деятельности, который помогает осуществить рефлексивный выход, проблематизацию и выдвигание предложений по оптимизации исходной активности.

Переход к перманентному характеру ведения рефлексивно-методологической работы в отношении познавательной деятельности возможен только с помощью методолога или же субъекта-предметника, отказывающегося от собственной познавательной активности и перешедшего в положение методолога-предметника (методолога конкретной предметной области), и связан с тем, что, во-первых, на основе имеющегося продукта познания – знаниевого представления в отношении познаваемого, через его распрямление (определение механизма получения знания) осуществляется построение максимально объективированной онтологической схемы познаваемого, основанной на фактологической информации, содержащейся в распрямленном, по отношению к которой данное знаниевое построение может быть позиционировано точно также как к исходному познаваемому, во-вторых, в ситуации продолжения познавательной активности кого-либо в отношении того же самого познаваемого, продукты данной активности продолжают позиционироваться методологом к построенной ранее онтологической схеме познаваемого и при наличии в позиционируемом того, что является независимым от используемых познавательных механизмов, то есть – фактов, выражаться в качестве дополнений к исходной онтологической схеме. Таким образом, при наличии одного исходного знаниевого представления и ряда последующих знаниевых представлений в отношении того же самого познаваемого, в результате реализации перманентной рефлексивно-методологической работы будет получена единая онтологическая схема познаваемого, а все имеющиеся знаниевые представления позиционированы по отношению к ней в качестве вариативных предметных представлений её отдельных аспектов или же всей схемы в целом, обусловленных специфическими механизмами ведения познавательной деятельности.

Точно так же перманентная рефлексивно-методологическая работа может быть реализована в отношении не одного исходного знаниевого представления, но и на самом общем масштабе –

например, в отношении той или иной наличествующей дисциплинарной предметности (важно заметить, что реализация перманентной рефлексивно-методологической работы оказывается более функциональной и эффективной именно тогда, когда исходным является не единичное знаниевое представление, а их множество). Для этого должна быть сконструирована достаточная онтологическая схема предметной области, соответствующей рассматриваемой дисциплинарной предметности или по крайней мере центральное ядро такой схемы, на основе которой могут быть построены как и любые производные части, так и вся целостная модель данной предметной области.

Активность методолога или методолога-предметника в условиях реализации перманентной рефлексивно-методологической работы может быть разделена на две принципиально разные стратегии – *метапарадигмальную*, связанную с тем, что на основе имеющейся онтологической схемы, независимо от наличествующих знаниевых представлений или же напротив – опираясь на них, выстраивается максимальная схематическая модель познаваемого (что будет являться методологической парадигмой в отношении познаваемого), и *специальную методологическую*, в рамках которой активность методолога связана исключительно с рефлексивным ответом на активность познающих субъектов, находящихся в ситуации натуралистического подхода к познанию в отношении познаваемого, которое соотносится с имеющейся у методолога онтологической схемой этого познаваемого.

Таким образом, при реализации перманентной рефлексивно-методологической работы в условиях любой существующей дисциплинарной предметности возникает два принципиальных новых варианта развёртывания дисциплинарного знания. В первом случае – полностью переформатированного с учётом вводимых метапарадигмальных принципов формирования и организации такого рода знания: в центре оказывается сконструированная на основе онтологической схемы предметной области её теоретическая модель, а существовавшие предметные представления в том или ином качестве включаются в неё (поэтому предметная область методологической парадигмы, замещающей существующее дисциплинарное знание, масштабно всегда оказывается шире изначальной предметной области за счёт включения в неё всей совокупности внеметапарадигмального знания). Во втором – принципиально отличного от существующего представления о парадигмальном знании: изначальное не ставится целью, связанная с формированием целостного и непротиворечивого знания в отношении соответствующей определённой дисциплинарной предметности предметной области, но распределение имеющихся и возникающих знаниевых представлений в границах данной дисциплинарной предметности, осуществляемое по запросу, исходящему из самой этой дисциплинарной предметности или же откуда-то извне, с учётом производного характера распределяемого от общей для данной дисциплинарной предметности онтологической схемы её предметной области.

3. Онтологическая схема предметной области искусствоведения

Конструирование онтологической схемы предметной области той или иной дисциплинарной предметности может быть реализовано как на основе избирательной или же всей совокупности знаниевых представлений в её отношении, что, безусловно, требует работы целой научной группы или даже институции, так и в результате мысленного оперирования единичным субъектом достаточной суммой главным образом фактологических знаний об онтологизируемом, сформированных вследствие его непосредственного или опосредованного познания, и образующих у субъекта его обобщённое представление. В любом случае – главным будет являться оценка адекватности полученной онтологической схемы онтологизируемому, реализуемая в процессе соотнесения с данным построением определённой, а потенциально – всей массы знаниевых представлений, соответствующих данной дисциплинарной предметности (в случае негативной оценки, полученное построение будет признано одним из возможных концептуальных построений, которое невозможно использовать в качестве онтологической схемы в условиях реализации перманентной рефлексивно-методологической работы в отношении конкретной дисциплинарной предметности).

Реализуя второй (личностный) вариант формирования онтологической схемы в отношении предметной области искусствоведения, необходимо сделать несколько предварительных замечаний. Во-первых, надо условиться, что так как границы предметной области искусствоведения трансформировались в исторической перспективе, равно как и характер самой исследовательской рефлексии в её отношении, то конструируемая онтологическая схема должна быть по возможности адекватной для любой из реализованных и реализуемых в настоящее время познавательных ситуаций. Во-вторых, необходимо определить, что осуществляемое построение должно быть независимо от той или иной конкретной деятельностной активности (изобразительное искусство, архитектура, театр и т.д.), образующей отдельные субпредметные области, входящие в границы предметной области искусствоведения. И, наконец, в-третьих, надо зафиксировать то, что конструируемая онтологическая схема будет являться своеобразным матричным ядром онтологии предметной области искусствоведения, на основе которой при необходимости может быть построена достаточная (отвечающая основной части знаниевых построений искусствоведческих исследований, которые будут соотноситься с ней) или максимально возможная (соответствующая методологической парадигме в отношении предметной области искусствоведения) структура.

Чтобы удовлетворить всем изложенным замечаниям, установим в качестве основного подхода, используемого для конструирования искомой онтологической схемы, деятельностный подход – в данном случае выступающий в качестве прикладного методологического инструментария [Щедровицкий, Исходные представления..., 1995; Юдин, 1997; Штейн, Деятельностный подход..., 2017], необходимого для реализации теоретического моделирования.

В качестве центрального элемента конструируемой онтологической схемы может быть определена деятельность один (Д-1), продуктом которой является сенсорновоспринимаемая форма (СВФ), заключаемая в одном варианте реализации данной деятельности в устоявшийся продуктивный контейнер, а во втором – в неустоявшийся продуктивный контейнер.

Сделаем пояснение в отношении двух терминов – сенсорновоспринимаемая форма и продуктивный контейнер.

Так как то, что является исходным материалом исследовательской рефлексии искусствоведов существует в самых разных, а потенциально – в любых формах (изобразительной, визуальной, звуковой, тактильной, объектно-ситуативной и т.д.), то самым общим определением для такой формы и будет сенсорновоспринимаемая форма: продукт любой деятельности (в отношении мыследеятельности – продукт её выражения) является потенциально воспринимаемым посредством сенсорной системы человека, а значит определение сенсорновоспринимаемая форма может быть применено ко всем продуктам человеческой деятельности, а также и к выражениям природных процессов, которые в последнее время всё чаще стали интерпретироваться в качестве специфических форм искусства (см., например, статьи авторов сборника [Nature, 2012]).

Продуктивный контейнер – это то, чем является продукт деятельности не зависимо от конкретности его возможных вариантов. Или иначе – это основное условие выражения результатов конкретной деятельности, обуславливающее специфику трансформации и организации исходного материала и определяющее рамки вариативности конечной формосодержательной целостности. В качестве примера можно привести изображение как продуктивный контейнер деятельности живописца, или фильм как продуктивный контейнер фильмопроизводства. (В принципе, тоже самое можно говорить и о выражении природных процессов, уникальная формосодержательная целостность которых всегда обусловлена такого рода продуктивным контейнером – рассвет, молния, радуга и т.п.). О термине же сенсорновоспринимаемая форма в этом смысле можно говорить не только как о том, что является выражением любой формосодержательной целостности, но и как о самом общем продуктивном контейнере для самой человеческой деятельности, рассмотренной на самом общем масштабе безотносительно какой-либо конкретности её реализации.

Однако изображение и фильм являются устоявшимися продуктивными контейнерами, определяющими характер и специфику определённых видов деятельности. В то же время возникают

такие виды деятельности, оперативное определение продуктивных контейнеров для продуктов которых оказывается весьма затруднительным. Что, например, является продуктивным контейнером для экспонируемого в музее унитаза? Или какой продуктивный контейнер у голого человека, сидящего посреди площади?.. Поэтому мы и фиксируем ситуацию потенциального наличия таких видов деятельности, продукты которых выражаются в неустоявшихся продуктивных контейнерах, которые при определённых условиях со временем могут быть трансформированы в контейнеры устоявшиеся.

В связи с тем, что продукт любой деятельности так или иначе функционально используется в какой-то другой деятельности или деятельности (в противном случае встаёт вопрос о самой возможности обозначения некой совокупности процессов в качестве именно деятельности, ведь деятельность – это форма человеческой активности, образуемая устойчивой процессуальной множественностью, в результате реализации которой возникает такой продуктивный выход, продуктивный контейнер и самая общая характеристика формосодержательной целостности которого изначально предзаданы и гарантированы, равно как и та функция или функции, которые данный продукт реально или гипотетически может выполнять в условиях иной или иных видов деятельности), то в качестве второго элемента конструируемой онтологической схемы может быть определена деятельность два (Д-2), в которой продукт первой деятельности выполняет определённую функцию.

Здесь надо отметить по крайней мере три момента. Первый – это то, что деятельность два может быть связана с самим субъектом или субъектами, реализующими деятельность один: делается что-то, чтобы потом это использовать затем-то – пишу картину (деятельность один), чтобы потом ею любоваться (деятельность два). Второе – деятельность два может трансформироваться в исторической перспективе, а также носить множественный характер и, соответственно, включаемая в неё сенсорновоспринимаемая форма может быть по разному функционально использована: пишу картину (деятельность один), чтобы потом ею любоваться (деятельность два), однако после моей смерти картина становится элементом декора (иная деятельность два), а ещё позднее и одновременно – предметом коллекционирования (иная деятельность два) и предметом публичного экспонирования (иная деятельность два). И, наконец, третий момент – при исследовании сенсорновоспринимаемых форм их функциональное предназначение, реальное и вариативное использование может вообще не рассматриваться (например, в ситуации, когда исследовательский фокус сосредоточен исключительно на формосодержательной целостности рассматриваемой формы).

В качестве третьего элемента конструируемой онтологической схемы может быть определена деятельность три (Д-3), для которой продукт первой деятельности является исходным материалом, оказывающимся таковым или вследствие обращения к нему или же в результате его собственной актуализации, и в отношении которого реализуется одно из двух или же сразу два принципиальных действия – маркирование термином «искусство» и координирование по отношению к иным формам, которые уже имеют маркирование термином «искусство», продуктом чего является маркированная и/или скоординированная (помещённая в определённую «систему координат») сенсорновоспринимаемая форма.

Сделаем два важных пояснения, касающихся как самой деятельности три, так и компонентов маркер «искусство» и «система координат», которые используются в ней.

Для того, чтобы та или иная конкретная сенсорновоспринимаемая форма стала предметом искусствоведческого исследования, необходимо или чтобы она содержала в собственной формосодержательной целостности то, что позволит исследователю самостоятельно маркировать её в качестве «искусства» и определённым образом скоординировать её по отношению к существующим формам уже маркированным таким образом, или же надо, чтобы эти маркирование и координирование были исследователю даны, что и является продуктом деятельности три. В противном случае – или будет непонятно, что исследовать (ведь не определено, что является

искусством, и что, например, определённым образом скоординировано по отношению к тому, что уже маркировано как искусство), или же придётся исследовать вообще всё, но тогда это явно будет уже не искусствоведение, а, например культурология. И вот тут возникает интересная коллизия: дело в том, что в ситуации, когда исследователь (искусствовед) сам маркирует и координирует сенсорновоспринимаемую форму, то он оказывается ни кем иным, как тем, кто реализует деятельность три, а, значит, из позиции исследователя оказывается в самой предметной области, в отношении которой он должен осуществлять познавательную деятельность. А значит необходимо признать изначально дискурсивный характер целого ряда искусствоведческих исследований, в отличие от исследований дисциплинарных, в которых предметная область противопоставляется познающему субъекту.

Таким образом, важно определить, что и маркер «искусство», и сама «система координат», в которой располагаются формы, маркированные как «искусство», должны являться не продуктом исследовательской деятельности искусствоведа, но частью предметной области, в отношении которой им осуществляется познавательная активность. Поэтому как бы нам не хотелось дать точное определение маркеру «искусство» (ведь важен не сам этот термин, хотя, конечно, он чаще всего и используется, но то определение, которое за ним скрывается, и которое в нашем случае не может быть слишком многозначным), как бы не важна была для нас постройка непротиворечивой «системы координат», мы не можем этого сделать, так как тогда из рефлексивной позиции мы перейдём в позицию деятельностную – в данном случае – предметоформирующую. Многозначность термина «искусство» и инвариантность оговариваемой «системы координат» даны нам как специфическая данность исследуемого, в отношении которой и должна быть сформирована непротиворечивая система знаний.

Ориентация на связку маркер «искусство» – «система координат» важна в связи с тем, что маркер «искусство» в том или ином знаниевом представлении может оказаться случайным (например, «искусство» в смысле технического мастерства), тогда как позиционирование некой формы (продукта деятельности один) по отношению к формам, ранее маркированным в качестве «искусства», не может оказаться случайным. Поэтому процесс координирования в деятельности три – процесс обязательный, а маркирование – процесс, во-первых, вариативный в отношении самого термина «искусство», а, во-вторых, опциональный.

В связи с этим важным является следующее замечание: искусствоведение как дисциплинарная предметность – «определённая форма систематизации научного знания, связанная с институализацией знания, с осознанием общих норм и идеалов научного исследования, с формированием научного сообщества, специфического типа литературы (обзоров и учебников), с определёнными формами коммуникации между учёными, с созданием функционально автономных организаций, ответственных за образование и подготовку кадров» [Огурцов, 1988, с. 244], а не как локальный специфический дискурс в отношении некой весьма условной предметной области, оказывается возможным только в результате наличия определённой рефлексивной традиции, в условиях которой возникают предметные представления, формирующие компоненты «системы координат», о которой идёт речь. Без этого просто-напросто невозможен переход от дискурсивной познавательной ситуации к познавательной ситуации дисциплинарной, потому как эта самая «система координат» – исходный материал для формирования хотя бы условно целостного ядра и границ предметной области искусствоведения.

Принимая принцип условного деления эстетики на имплицитную и эксплицитную (первая, в качестве продукта познавательной активности, осуществляемой в рамках иных дисциплинарных предметностей или дискурсивных единств, существует задолго и независимо от выделения эстетики в качестве дисциплинарной предметности, которой соответствует определённая конкретная предметная область, а вторая – как раз и связана с реализацией познавательной активности в условиях обозначенных границ эстетики как обособленной дисциплинарной предметности [Бычков, 2012, с. 39-41]), можно сказать, что, если не рассматривать искусствоведение с позиции

деятельностного подхода к познанию, то и его точно так же можно разделить на имплицитное (существовавшее до возникновения искусствоведения как обособленной дисциплинарной предметности) и эксплицитное (собственно дисциплинарное). Однако в условиях описываемого методологического инструментария такое деление, не важно – искусствоведения, эстетики, или какой-либо иной дисциплины, которая развёртывается в данности натуралистического подхода к познанию, оказывается ошибочным, так как по отношению к знанию, формируемому в ситуации деятельностного подхода к познанию, все иные знания оказываются имплицитными. Единственно возможным эксплицитным знанием (если продолжать использовать такое деление) является знание, продуцируемое исключительно в условиях деятельностного подхода к познанию.

Конечно, для исследователей-искусствоведов, находящихся в ситуации традиционного – натуралистического подхода к познанию, такое отношение к маркеру «искусство», «системе координат» и характеристике их познавательной активности как имплицитной скорее всего будет казаться странным и даже, возможно, неприемлемым («Ведь, главным образом, это мы определяем, что есть искусство и каково место тех или иных форм в общей иерархии! Это мы формируем научное знание об искусстве!!»), однако, с точки зрения деятельностного подхода к познанию, в данном случае процессы маркирования и координирования могут рассматриваться исключительно как дискурсивные, имплицитные по отношению к реальному или потенциальному эксплицитному знанию: да, в случае искусствоведения – определённым образом дополняющие наше представление о специфике и границах предметной области дисциплинарной предметности, но затем – в неё сами и входящие. Вместе с тем (о чём подробно будет говориться далее), в ситуации развёртывания методологической парадигмы искусствоведения, дискурсивные знаниевые представления будут рассматриваться как компоненты структурной целостности предметной области, при том, что само порождающее их дискурсивное единство исследователей может (скорее всего – и будет) продолжать продуктивно функционировать, а в ситуации ведения специальной методологической работы в условиях искусствоведения – знаниевые представления данного дискурсивного единства будут являться исходным материалом, побуждающим рефлексивную активность методолога предметной области искусствоведения.

Полученное в итоге построение может быть определено в качестве ядра достаточной онтологической схемы предметной области искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности (рис. 2).

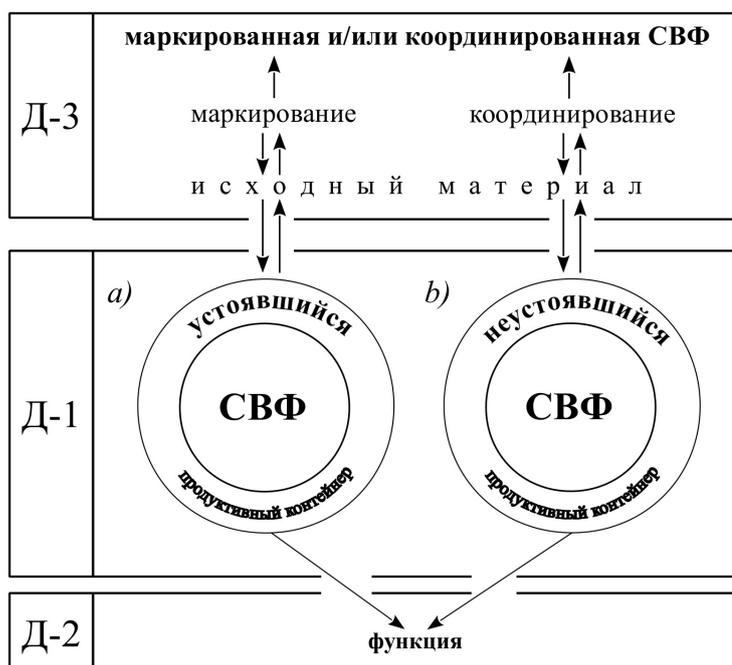

Рис. 2

Если же абстрагироваться от того, чем данная схема является, а так же несколько трансформировать и развернуть отдельные её компоненты:

– деятельность один раскладывается на три последовательных этапа (*проектировочный*, на котором происходит обоснование проектируемой деятельности, определение принципов её нормирования и непосредственное проектирование этапа реализации, *этап реализации*, представляемый через основные компоненты деятельности, такие как исходный материал, цель, задачи, образующие процессуальную множественность, составляющую один цикл деятельности, средства, метод, подходы (используемые в познавательной деятельности), которые делятся на стратегические и методологические/интерпретационные, продукт, упаковываемый в конкретный продуктивный контейнер, а так же общий продуктивный контейнер для любой человеческой деятельности – сенсорновоспринимаемую форму, и возможный, но не обязательный – *рефлексивный этап*, на котором осуществляется или может осуществляться – описание реализованной деятельности, её проблематизация, а так же выдвижение предложений по оптимизации деятельности при её реализации на последующих циклах);

– деятельность два дополняется указанием того, что функция, которую потенциально может выполнять продукт деятельности один связана с тем, что он оказывается или средством, или методом, или исходным материалом, или же компонентом средства/метода/исходного материала;

– между деятельностью один и три добавляется указание на восприятие как физиологический процесс, осуществляемый благодаря наличию у человека сенсорной системы, представляющей ему независимый от его мыслительной активности перцептивный образ взаимодействующей с ним СВФ, который и оказывается исходным материалом для его мыследеятельности (МД), в условиях которой может быть сформирован автоматический или сознательный мыслеобраз СВФ (их отличие заключается в том, что автоматический мыслеобраз – продукт неконтролируемой субъектом мыследеятельности, а сознательный мыслеобраз – продукт мыследеятельности субъектом нормируемой), проведено сознательное координирование полученной информации о СВФ по отношению к информации уже имеющейся, а так же – если рассматривать мыследеятельность на самом общем масштабе – информация о СВФ включается в индивидуальную картину мира данного субъекта; всё это – мыслеобразы, координирование и индивидуальная картина мира, если мы рассматриваем деятельность три как рефлексивную деятельность в отношении продукта деятельности один, функционально (в качестве исходного материала) в ней и используется (то есть рефлексивная деятельность три всегда имеет исходным материалом не саму СВФ, не её перцептивный образ, воспринятый субъектом, а продукт его мыследеятельности в отношении перцептивного образа СВФ);

– деятельность три дополняется указанием того, что исходный материал в результате реализации данной деятельности может трансформироваться в описание СВФ (что будет соответствовать знаниевому замещению СВФ), объяснение или оценку СВФ (что будет соответствовать концептуальному координированию СВФ), которые функционально могут быть задействованы в деятельности четыре (Д-4) (в противном случае – деятельность три должна быть признана нефункциональной), в которой они выполняют функцию или средства, или метода, или исходного материала, или же компонента средства/метода/исходного материала;

– последним дополнительным элементом схемы оказывается стрела времени (t), на которой обозначаются как минимум двенадцать промежутков, фиксирующие основные временные периоды, связанные с исходной деятельностью – деятельностью один и её продуктом – СВФ: время проектирования СВФ, время создания СВФ, время актуализации СВФ, время проблематизации деятельности по созданию СВФ, время функционирования СВФ, время вариативного функционирования СВФ, время не функционирования СВФ, время описания СВФ и его (описания) актуализации, время концептуального координирования (объяснения и оценки) СВФ и его (координирования) актуализации, время опосредованного координирования СВФ, время опосредованного функционирования СВФ (опосредованное координирование и функционирование

СВФ оказывается возможным вследствие наличия описания СВФ – именно оно вместо самой СВФ оказывается тем, в отношении чего развёртывается координирование и, что становится функционирующим), время определённого институализированного координирования СВФ (то есть концептуальное включение в условиях того или иного социального института в качестве компонента в ту или иную систему координат);

то мы получим, во-первых, вспомогательный инструмент, который может быть функционально использован для работы с исходной онтологической схемой, а, во-вторых, – такое построение, которое при его спецификации вполне может оказываться ядром онтологической схемы предметной области любой дисциплинарной предметности, в центре которой лежит какая угодно разновидность человеческой деятельности (рис. 3).

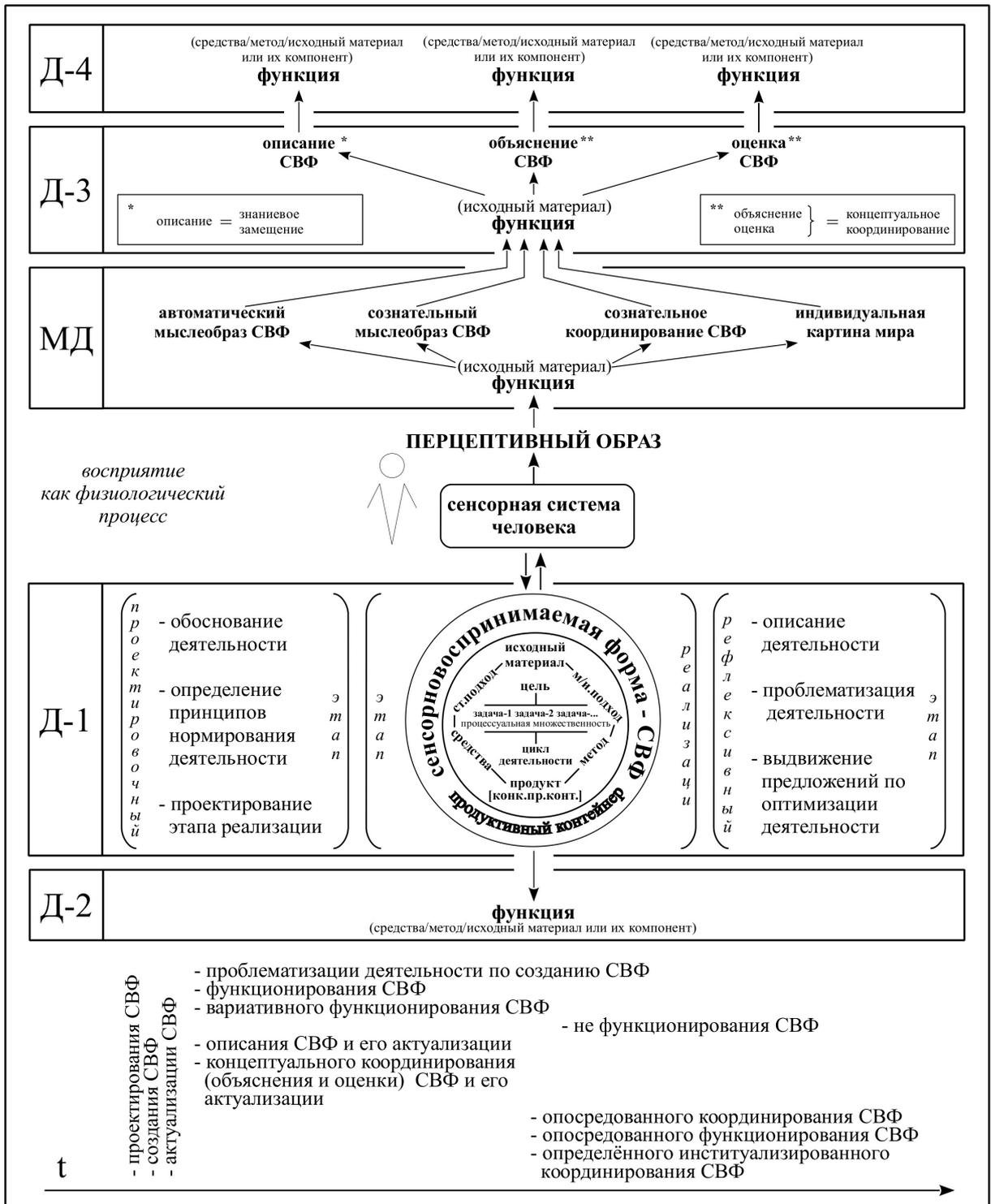

Рис. 3

4. Методологическая парадигма искусствоведения

Вводя термин парадигма в отношении знания и его характера, отличающего парадигмальное знание от до и вне парадигмального знания, Томас Кун имел в виду, что парадигма – это такая система знаний, которая в актуальный момент времени по тем или иным причинам (уровень средств, используемых в познании, разработанность познавательных подходов и методов и т.п.) является оптимальной и единственно возможной формой знания в отношении познаваемого [Кун, 2003, с. 34-48]. И именно поэтому, по мнению Куна, парадигмальное знание невозможно в гуманитарной науке, в которой любое знание в любой момент времени потенциально вариативно. Однако при переносе и использовании термина парадигма в отношении гуманитарного знания под парадигмой стали понимать вообще любое знание, в условиях которого формируется объяснение, а точнее – концептуализация и интерпретация познаваемого, рассматриваемого на достаточно общем масштабе, что позволяет использовать данное построение в качестве своеобразной «знаниевой рамки» – изначального условия для исследований масштабно менее значительных. Термин же методологическая парадигма является весьма условным и при использовании, как правило, означает нахождение той или иной совокупности знаний в обусловленности определённым набором подходов и методов, с использованием которых реализуется познавательная деятельность (см., например: [Стёпин, 1994; Делокаров, 2000]), что означает, например, необходимость отнесения парадигмы в Куновском понимании к той или иной методологической парадигме, а также возможность нахождения целого ряда гуманитарных парадигм в одной и той же методологической парадигме.

В настоящей работе, говоря о методологической парадигме, имеется в виду, что исходное – Куновское понимание термина парадигма, в результате перехода от натуралистического к деятельностному подходу к познанию, трансформируется и приобретает следующее значение, которое и получает название *методологической парадигмы – система знаний, формируемая таким образом, что познаваемое выражается через его онтологическую схему, получаемую в результате теоретического моделирования без учёта существующей совокупности представлений в отношении познаваемого, или же осуществляемого с помощью специальным образом вычленения из продуктов реализованной ранее познавательной активности, которые, в свою очередь, и в том и в другом случае, позиционируются в отношении этой схемы в качестве совокупности её актуальных предметных представлений, выражающих специфику различных точек зрения на познаваемое, алгоритмов познания, используемых средств, подходов и методов.*

Таким образом, можно говорить, что структура любой методологической парадигмы состоит из двух основных элементов – онтологической схемы, условно соответствующей познаваемому на актуальный момент времени (что удостоверяется открытостью принципов её конструирования, которые могут быть верифицированы или же при неудовлетворённости ею проблематизированы, вследствие чего существующая схема заменяется её оптимизированной модификацией, и что подтверждает корректность использования термина парадигма в исходном – Куновском значении), и предметоформирующего элемента, являющегося по сути сетью внутрисистемных знаний, образуемой существующими и возникающими предметными представлениями в отношении познаваемого, и имеющей собственную структуру.

Предметоформирующий элемент методологической парадигмы демонстрирует специфику наличествующих интерпретаций познаваемого, выражаемого через его онтологическую схему, которая соответствует ему на актуальный момент времени. Исходя из этого можно заключить, что структура предметоформирующего элемента методологической парадигмы любой из естественнонаучных дисциплин будет односоставна (так как в естественных науках в актуальный момент времени существует только одно знание – парадигма в отношении познаваемого, то его онтологическая схема и будет строиться на основании этого знания, которое затем, будучи спозиционированным к полученной схеме, и станет образовывать предметоформирующий элемент данной методологической парадигмы, трансформирующийся лишь в исторической перспективе в

результате трансформаций, которые претерпевает исходная естественнонаучная парадигма), а структура предметоформирующего элемента методологической парадигмы любой из гуманитарных дисциплин или же вообще любого гуманитарного знания – сложна и развёрнута (чем более вариативна имеющаяся система знаний в отношении познаваемого, на онтологической схеме которого строится методологическая парадигма, тем сложнее структура соответствующего ей предметоформирующего элемента). Именно поэтому развёртывание перманентной рефлексивно-методологической работы с целью формирования методологической парадигмы возможно, но по сути – бессмысленно в отношении естественнонаучного знания и в то же время эффективно и функционально в отношении знания гуманитарного.

Так как предметоформирующий элемент входит в структуру метапарадигмального знания, что означает включённость всей имеющейся и возникающей познавательной активности в отношении познаваемого в предметную область, соответствующую данной методологической парадигме, то, во-первых, надо говорить о проведении чёткой демаркации между метапарадигмальным знанием и знанием предметным (внутрисистемным), приращение которого в принципе независимо от наличия или отсутствия методологической парадигмы, а, во-вторых, определить, что одной из задач исследователей-метапарадигмологов является и оптимальная систематизация имеющегося предметного знания, и оперативное включение в его структуру предметного знания возникающего (отдельные элементы которого вполне могут оказаться уточнёнными, уточняющими или же вовсе – новыми компонентами имеющейся онтологической схемы).

Поэтому независимо от изначально реализованной стратегии моделирования онтологической схемы (а возможны три её варианта: а) основанной на распределении существующих предметных представлений познаваемого, б) независимой от существующих знаний, в) использующей одновременно и первую и вторую стратегии), функционирование конкретной дисциплинарной предметности в условиях методологической парадигмы, то есть полноценной метапарадигмальной науки, связано с необходимостью не только формального удержания и возможной модернизации целостности имеющейся онтологической схемы предметной области, но и тотального наблюдения за всеми трансформациями предметоформирующего элемента, входящего в её структуру.

Всё вышеперечисленное в полной мере касается методологической парадигмы искусствоведения, которая может быть развёрнута на основе того ядра онтологической схемы её предметной области, которое было нами сконструировано. Сложность заключается в необходимости реализации титанической работы по достройке данной схемы до масштаба, соответствующего по крайней мере основному корпусу «теоретических» работ, связанных с искусством, не говоря уже о необходимости последующей переработки всей совокупности имеющихся предметных представлений формально маркированных как искусствоведческие, что связано с их распределением, изъятием возможно наличествующей фактологической информации, выражение которой отсутствует в исходной онтологической схеме, помещением выявленного уникального в структуру схемы, а также последующим позиционированием разбираемого предметного представления по отношению к онтологической схеме в качестве структурного компонента предметоформирующего элемента.

В то же время ещё одна сложность связана с тем, что так как предметная область существующего искусствоведения многосоставна, то приходится говорить об общетеоретической методологической парадигме искусствоведения – построении, которое будет независимо от того или иного варианта продуктивного выхода деятельности один, интерпретируемого маркером «искусство» и определённым образом скоординированного по отношению к существующим формам, обозначенным данным маркером, а также о субпредметных или субдисциплинарных по отношению к общетеоретической методологической парадигме искусствоведения методологических парадигмах – построениях, связанных с конкретными формами продукта деятельности один

(изобразительные формы, музыкальные формы, сценические формы и т.д.). А это связано с целым рядом дополнительных трудностей.

Во-первых, это то, что для каждого системообразующего субдисциплинарную предметность вида деятельности (деятельности один) необходимо будет конструировать собственную онтологическую схему, выражающую её уникальность по отношению к иным видам деятельности. Причём практически во всех случаях – в отношении к деятельности по созданию сценических, архитектурных, музыкальных и иных форм, рассматриваемых искусствоведением, просто-напросто будет невозможно, да и не верно абстрагироваться в этом построении от деятельности два, для которой продукт деятельности один является функциональным, а также, возможно от иных видов деятельности, с которыми так или иначе взаимосвязана деятельность один. Поэтому такого рода онтологическая схема будет являться построением в отношении не одной деятельности, а как минимум двух, что будет характеризовать её уже как систему деятельности.

Во-вторых, так как существующие предметные представления в отношении определённой системы деятельности не обязательно будут являться рефлексивными, но, возможно, функциональными, а определение этого их характера потенциально будет затруднено, то во избежание неточностей, изначально по возможности все они должны рассматриваться как продукты специфических функциональных видов деятельности (например, рекламной, популяризаторской, образовательной и т.п.), входящих в структурную целостность исходной системы деятельности, и интерпретироваться как компоненты специфического предметофункционального элемента в структуре рассматриваемой системы, и лишь затем, при возникновении такой возможности, связанной с верификацией имеющихся представлений как рефлексивных или условно рефлексивных (то есть изначально функциональных, но которые могут в момент обращения к ним рассматриваться как рефлексивные), переноситься в предметоформирующий элемент конструируемой методологической парадигмы.

И, наконец, последнее возможное затруднение связано с тем, что имеющиеся рефлексивные предметные представления в отношении форм конкретной деятельности один могут, во-первых, не маркировать их термином «искусство», или же производить такое маркирование произвольно или достаточно условно (что выражает специфику исследовательской рефлексии в отношении данных форм), а, во-вторых, задавать такое специфическое координирование, которое будет отличным, как от той «системы координат», которая существует на общетеоретическом уровне в рамках методологической парадигмы искусствоведения, так и от «систем координат» иных субдисциплинарных предметностей искусствоведения.

Всё это вынуждает нас говорить о потенциально независимом характере тех методологических парадигм, которые мы определили как субдисциплинарные по отношению к общетеоретической методологической парадигме искусствоведения. Однако это является не недостатком в работе над формированием методологической парадигмой искусствоведения, а результатом самой поверхностной проблематизации существующего искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности – фиксацией необходимости приведения имеющейся «системы координат» к некой логической унифицированности (а это, как мы уже замечали ранее, не может быть сделано в рамках перманентной рефлексивно-методологической работы, так как в противном случае произойдёт переход из методологической позиции в позицию предметно рефлексивную) или же отказа от притязаний на всеохватность рассмотрения производных форм потенциально любых видов деятельности в той «системе координат», которая формируется искусствоведением.

В то же время, если мы хотим заполучить не условное, но реальное единство между общетеоретическим и субдисциплинарным искусствоведением, то необходимо иметь определённое единообразие между их онтологическими схемами, учитывая разность масштаба соответствующих им предметных областей. Это возможно в результате конструирования онтологических схем для субдисциплинарных предметностей, в качестве производных от онтологической схемы

общетеоретического искусствоведения, с учётом специфики системообразующих данные субпредметные области видов деятельности (деятельности один) и без оглядки на существующие в их отношении предметные представления. Однако с большой долей вероятности, в этом случае мы получим такое идеализированное представление, которое не будет соответствовать реально наличествующим субдисциплинарным предметностям, формируемым традиционной исследовательской активностью с использованием натуралистического подхода к познанию. С одной стороны – это может выглядеть и как проблемная, и как конфликтная ситуация, которая навряд ли будет продуктивной (по сути – параллельно станут развёртываться две альтернативные знаниевые сетки в отношении одного и того же), но с другой стороны – приведение субдисциплинарных предметностей к методологическому, понятийному и терминологическому единообразию как друг с другом, так и с «родительским» – общетеоретическим искусствоведением, однозначно, укрепит дисциплинарную целостность науки об искусстве.

В любом случае – развёртывание методологической парадигмы в отношении существующей дисциплинарной предметности, в нашем случае – в отношении искусствоведения, – это масштабный проект, который может быть реализован исключительно силами целого научного коллектива, понимающего принципы метапарадигмального строительства, владеющего методами метапарадигмальной работы и осознающего цель такого рода коллективной деятельности.

5. Специальная методологическая работа в условиях искусствоведения

С принципиально иной спецификой использования перманентной рефлексивно-методологической работы мы сталкиваемся при реализации стратегии ведения специальной методологической работы в условиях определённой дисциплинарной предметности.

Специальная методологическая работа в условиях той или иной существующей дисциплинарной предметности – это реализуемый в форме деятельности механизм проблематизации, распремечивания, нормирования и организации существующих знаний в отношении общей предметной области данной дисциплинарной предметности, с учетом её онтологической схемы как системообразующего элемента. То есть – это построение отдельных частей целого при его реальном отсутствии, но с учётом исходного условия существования этого целого. Или, образно говоря, – сборка отдельных частей пазла с учётом того, что собираемое является конструктивным фрагментом потенциально существующего целого.

Таким образом, специальная методологическая работа в условиях искусствоведения или иначе – методология искусствоведения (единственно возможный принцип нормирования деятельности в рамках рассматриваемой специальной методологической работы, который противопоставляется частным методологическим стратегиям, реализуемым в дисциплинарной предметности, и являющимися, конечно же, не методологией искусствоведения, а выражением тех частных методологических «конструкторов», как правило адаптированных к исследуемому материалу, используемых при формировании концептуального знания) – это реализуемый в форме деятельности механизм проблематизации, распремечивания, нормирования и организации существующих знаний в отношении общей предметной области дисциплинарной предметности «искусствоведение», с учетом её онтологической схемы как системообразующего элемента.

Для того, чтобы провести описание специфики ведения специальной методологической работы в условиях дисциплинарной предметности, ответим на три принципиальных взаимосвязанных вопроса: что для этого необходимо, как эта работа реализуется, и зачем она может быть использована.

Из данного определения специальной методологической работы следует, что для её реализации необходимо иметь два основных компонента: онтологическую схему предметной области дисциплинарной предметности и конкретное предметное представление (как правило выраженное

в форме текста – доклада, научной статьи, монографии), входящее в структуру дисциплинарного знания. Смоделированная нами онтологическая схема предметной области искусствоведения уже является построением, соответствующим общетеоретическому искусствоведению, и применима в отношении любых субдисциплинарных предметностей, а её возможная вариативность на общетеоретическом и субдисциплинарном уровне, на что мы указывали, говоря о формировании методологической парадигмы искусствоведения, в данном случае не является проблемой, так как здесь не ставится цель формирования целостного знания в отношении всей дисциплинарной предметности на всех возможных уровнях, но отдельных её фрагментаций, возможное сочленение которых в последующем и покажет наличие или отсутствие условного или реального единства между общетеоретическим и субдисциплинарным искусствоведением. Но для этого нужно, чтобы кроме общей исходной онтологической схемы наличествовал бы и специальный унифицированный язык, с помощью которого, в отсутствии математического языка в гуманитарной науке, выражалось бы получаемое знание. Исходя из специфики изначально используемого подхода – деятельностного подхода, и познаваемого – являющегося деятельностью, отдельными её компонентами или системой деятельности, в качестве такого формального языка может быть использована, например, схема анализа полиструктурной системы, предлагаемая Г.П. Щедровицким [Щедровицкий, Исходные представления..., 1995, с. 257-263]. В данной схеме деятельность представляется через исходный материал, процесс, воздействующий на него, а так же через организованность материала, получаемую в результате воздействия на исходный материал данного процесса. Таким образом, любая деятельность может быть представлена через процессуальную множественность, выражаемую таким образом, а отдельные компоненты деятельности – через фрагменты данной множественности.

Исходя из специфики конкретной ситуации, алгоритм реализации специальной методологической работы может быть различным. Необходимо описать хотя бы два из них, которые скорее всего и будут наиболее востребованными.

Первый из алгоритмов связан с тем, что на основе распремечивания конкретного знаниевого представления получается онтологическая схема того, в отношении чего реализовывалась исследовательская активность, выраженная данным представлением. Причём при конструировании данной схемы учитывается то, что она является фрагментом той целостности, в отношении которой существует онтологическая схема, соответствующая онтологической схеме предметной области той дисциплинарной предметности, к которой относится распремечиваемое знание. Само же это исходное знание позиционируется к полученной схеме в качестве его предметного построения.

Второй из алгоритмов связан с тем, что изначально определяется некий сегмент, входящий в предметную область дисциплинарной предметности, и на основе имеющейся онтологической схемы предметной области данной дисциплинарной предметности, путём производного выведения, конструируется его собственная онтологическая схема, к которой затем при необходимости могут быть спозиционированы наличествующие или же возникающие предметные представления.

Реализация специальной методологической работы в условиях дисциплинарной предметности может быть связана как минимум с тремя эвристическими целями:

а) определение специфики имеющегося конкретного предметного представления (в качестве конечного продукта оказывается онтологическая схема конкретной части предметной области, являющаяся производным построением от исходной онтологической схемы предметной области, по отношению к которой позиционируется разбираемое предметное представление (см., например [Штейн, 2011]), что соответствует реализации первого из описанных выше алгоритмов);

б) разрешение существующих противоречий в предметных представлениях (конечным продуктом является онтологическая схема конкретной части предметной области, являющаяся производным построением от исходной онтологической схемы предметной области, по отношению

к которой позиционируется и при возможности структурируется совокупность разбираемых предметных представлений, существующих в отношении одного и того же – например, на общетеоретическом масштабе – в отношении того, что такое «взаимодействие искусств», «художественный стиль», «целостность произведения искусства» и т.п., или на масштабе частнодисциплинарном – в отношении того, что такое «фотография как элемент произведения изобразительного искусства», «понятие стиль в отношении сценического действия», «онтология кино» (см., например, неформализованное, но по сути – показательное исследование [Хачатурян, 2013]) и т.п., что соответствует несколько трансформированной реализации первого из описанных выше алгоритмов);

с) фиксация онтологической схемы интересующего, которое может быть использовано независимо от имеющихся предметных представлений (конечным продуктом является онтологическая схема конкретной части предметной области, в отношении которой наличествует или потенциально может возникнуть предметное знание, которое, однако, при реализации данного построения не учитывается (см., например: [Штейн, 2015; Штейн, 2016]), что соответствует реализации второго из описанных выше алгоритмов; абстрагирование от второго обязательного компонента специальной методологической работы в данном случае может быть связано с целым рядом факторов, среди которых можно назвать два основных – отсутствие предметных представлений, а так же наличие запроса на специфическое знание, формируемое в результате реализации специальной методологической работы при фрагментарности или знаниевой слабости наличествующих предметных представлений).

Если же говорить об основной утилитарной цели ведения специальной методологической работы в условиях дисциплинарной предметности, то она вытекает, во-первых, из специфики существующего дисциплинарного знания, являющимся материалом для данной работы, а, во-вторых, из того продукта, который получается в результате её реализации: исследователи, образующие научное сообщество данной дисциплинарной предметности, а также независимые субъекты, которые по тем или иным причинам хотят получить знания о предметной области, соответствующей этой дисциплинарной предметности, имея результат реализации перманентной рефлексивно-методологической работы, сталкиваются не с изначально концептуализированными представлениями (а что в гуманитарной науке они таковы мы уже говорили ранее), критическое отношение к которым ими только может быть сформировано, да и то при наличии изначально или возникшего скепсиса, а с реальной картиной познаваемого на актуальный момент времени (выражаемой через доступное для объективации (онтологическая схема) и интерпретациями, представленными через механизмы их формирования), в полной мере характеризующей специфику знания в отношении интересующего.

Таким образом, ведение специальной методологической работы в условиях дисциплинарной предметности, в нашем случае – в условиях искусствоведения, в отличии от метапарадигмальной стратегии – это реальность, доступная для индивидуальной исследовательской активности. Однако её востребованность, равно как и функциональность, полностью зависят от запроса на продукт данной активности, что в свою очередь связано с информированностью искусствоведческого сообщества о специфике и функциональных возможностях специальной методологической работы.

В качестве заключения, хотелось бы ответить на четыре потенциальных принципиальных замечания, которые могут возникнуть в отношении к вышеизложенному.

Первое из них может быть связано с тем, что предлагаемая стратегия изначально абстрагируется от содержательной специфики «сферы» искусства. Это так, и делается это намеренно, чтобы в условиях дисциплинарного знания дистанцироваться от концептуальных построений традиционного искусствоведения, которые при этом не отрицаются, не уничижаются, и уж тем более не оказываются под запретом, но в результате проводимой методологической работы получают своё

место в структуре дискурсивного знания об искусстве (исходя из специфики занятой предметоформирующей позиции, используемых средств и методологического инструментария), которая, в свою очередь, получает определённое место в границах предметной области искусствоведения как дисциплинарной предметности.

Второе замечание может заключаться в том, что рассматриваемая стратегия не предназначена для попытки конкретизации и раскрытия предмета, но исключительно для систематизации упорядочиваемого. И это верно, так как специфика предмета искусствоведения такова, что любая попытка его объяснения оказывается концептуализацией и интерпретацией, приводящей основанную на такого рода представлениях систему знаний к допарадигмальной ситуации потенциального наличия множественного альтернативного знания в отношении одного и того же, на преодоления которой, в том числе, и направляется перманентная рефлексивно-методологическая работа, в условиях которой систематизированные предметные представления через их распремечивание и соотнесение с доступным для объективации таким образом «разоблачаются», что их последующее возможное принятие (например, при желании оставаться в искусствоведческом дискурсе как части предметной области искусствоведения как дисциплинарной предметности) – это уже осознанный выбор, основанный на знании и понимании используемых допущений при формировании данного конкретного концептуального знания и его места в структуре подобного знания, а не внекритичная бессознательная «очарованность» им.

Третье замечание может быть направлено на то, что в предлагаемой познавательной стратегии, главным образом, в том, что касается необходимости включения концептуальных искусствоведческих представлений в предметную область самого искусствоведения, просматриваются некие схожие черты с институциональной критикой. Но, если такая схожесть и усматривается, то она чрезвычайно формальна по крайней мере хотя бы даже уже по одной главной причине: масштаб функции институциональной критики ограничивается вопросами что есть/может быть определено в качестве искусства и каковы механизмы определения чего-то в качестве искусства, тогда как масштаб ведения перманентной рефлексивно-методологической работы в метапарадигмальном варианте её развёртывания в условиях искусствоведения подразумевает тотальный охват предметной области данной дисциплинарной предметности, а в условиях специальной методологической работы – возможность встройки любого фрагментарного локального в потенциально целостное тотальное. Собственно поэтому в условиях ведения перманентной рефлексивно-методологической работы (в метапарадигмальном варианте её развёртывания) институциональная критика оказывается одним из предметных представлений в отношении определённых компонентов исследуемого, то есть частью предметной области искусствоведения.

И наконец четвёртое замечание может касаться специфики самой перманентной рефлексивно-методологической работы, подразумевающей предельный герметизм познавательной активности, схоластизм и недопустимость выхода за жёстко определённые ею границы. С этим также нельзя не согласиться, но это – то основное условие, тот залог того, что знание, формируемое с использованием перманентной рефлексивно-методологической работы, при любых обстоятельствах всегда будет методологически и содержательно гомогенным, проверяемым, непротиворечивым и в актуальный момент времени – безальтернативным, что и является основными требованиями, предъявляемыми к научному знанию. И в то же время предлагаемая стратегия – это не применение естественнонаучных и математических методов к специфическому гуманитарному материалу искусствоведения (такие стратегии существуют, но они всегда функционально ограничены – см, например [Семиотика и искусствометрия, 1972; Копчик и др., 2004; Петров, 2004]), а подбор именно такого методологического инструментария, который, отвечая принципам научности, был бы адекватен данному специфическому предмету в его целостности.

С.Ю. Штейн *Перманентная рефлексивно-методологическая работа
в условиях искусствоведения*

Итак, проведённое описание реализации перманентной рефлексивно-методологической работы, в качестве стратегии по формированию принципиально новых условий исследовательской активности в рамках искусствоведения как специфической дисциплинарной предметности, показывает, каким образом возможен перевод традиционного гуманитарного знания в знание совершенно иного порядка – независимое от частнопредметных концептуальных представлений, которые преобразуются из того, что всегда рассматривалось в качестве продукта полноценной исследовательской деятельности и включалось в структуру дисциплинарного знания, в то, что само оказывается исследуемым. А возможность функционального развёртывания перманентной рефлексивно-методологической работы в условиях двух описанных вариантов указывает конкретное направление потенциального движения исследователей с одной стороны – к новой науке об искусстве, а с другой – впервые, к полноценной науке об искусстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бычков В.В. Эстетика : учебник. – Москва: КНОРУС, 2012.
2. Делокаров К.Х. Системная парадигма современной науки и синергетика // *Общественные науки и современность*, 2000, №6. С.110-118.
3. Копцик В.А., Рыжов В.П., Петров В.М. Этюды по теории искусства: Диалог естественных и гуманитарных наук. – Москва: ОГИ, 2004.
4. Кун Т. Структура научных революций. – Москва: «Издательство АСТ», 2003.
5. Огурцов А.П. Дисциплинарная структура науки: Её генезис и обоснование. – Москва: Наука, 1988.
6. Петров В.М. Количественные методы в искусствознании : учеб. пособие для студентов вузов. – Москва: Акад. Проект : Фонд «Мир», 2004.
7. Семиотика и искусствометрия : Сборник пер. / Сост. и ред. д-ра филол. наук Ю.М. Лотмана и канд. физ.-мат. наук В.М. Петрова. – Москва: Мир, 1972.
8. Стёпин В.С. Смена методологических парадигм // *Хьюбер К. Критика научного разума*. – Москва: ИФРАН, Бонн: Интер Национес, 1994. – С.7-21.
9. Хачатурян Т.А. Онтология кино в зарубежной литературе // *Артикульт*. 2013. 10(2). С. 116-123.
10. Штейн С.Ю. Актуальные проблемы искусствоведческих исследований // *Культура и искусство* [статья принята к публикации]
11. Штейн С.Ю. Деятельностный подход в искусствоведении // *Декоративное искусство и предметно-пространственная среда*. Вестник МГХПА. 2017. №2. Часть 1. С.99-109.
12. Штейн С.Ю. Онтологизация как метод искусствоведения // *Вестник РГГУ*. 2017. № 2(8). Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». С.125-134.
13. Штейн С.Ю. Онтология кино в концепции Андре Базена : дисс. ... канд.искусствоведения : 17.00.03 : защищена 20.04.2011[Место защиты: Всерос. гос. ун-т кинематографии им. С.А. Герасимова] : утв. 09.02.2012 [Текст] / С.Ю. Штейн. – М., 2011.
14. Штейн С.Ю. Онтология кино и онтология звукозаписи // *Вестник РГГУ*. 2015. № 2. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». С.140-149.
15. Штейн С.Ю. Онтология кино и онтология телевидения // *Вестник РГГУ*. 2016. № 4(6). Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». С.135-146.
16. Щедровицкий Г.П., Дубровский В.Я. Научное исследование в системе «методологической работы» // *Проблемы исследования структуры науки*. Новосибирск, б/и, 1967. – С.105-115.
17. Щедровицкий Г.П. Заметки об эпистемологических структурах, онтологизации, объективации, реализации // *Вопросы методологии*. 1996. №3-4 (23-24). С.165-176.
18. Щедровицкий Г.П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // *Щедровицкий Г.П. Избранные труды*. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С.233-280.
19. Щедровицкий Г.П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодетельностного подходов // *Щедровицкий Г.П. Избранные труды*. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С.143-154.

S. Schtein *Permanent reflexive-methodological work
in the conditions of art studies*

20. Щедровицкий Г.П. О специфических характеристиках логико-методологического исследования науки // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С.350-359.
21. Щедровицкий Г.П. Принципы и общая схема методологической организации системно-структурных исследований и разработок // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С.88-114.
22. Щедровицкий Г.П. Проблемы методологии системного исследования // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. – Москва, Шк.Культ.Полит., 1995. – С.155-196.
23. Юдин Э.Г. Методология науки. Системность. Деятельность. – Москва: Эдиториал УРСС, 1997.
24. Nature. Edited by Jeffrey Kastner. Cambridge: MIT Press and Whitechapel Gallery, 2012.

REFERENCES

1. Bychkov V.V. *Jestetika* [Aesthetics]: uchebnik. Moscow, KNORUS, 2012.
2. Delokarov K.H. *Sistemnaja paradigma sovremennoj nauki i sinergetika* [System paradigm of modern science and synergetics] in *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and contemporary world], 2000, №6. Pp.110-118.
3. Hachaturjan T.A. *Ontologija kino v zarubezhnoj literature* [The ontology of film in foreign studies] in *Articult.* 2013. 10(2). Pp. 116-123.
4. Kopicik V.A., Ryzhov V.P., Petrov V.M. *Jetjudy po teorii iskusstva: Dialog estestvennyh i gumanitarnyh nauk* [Etudes on the theory of art: Dialogue of natural and humanities sciences]. Moscow, OGI, 2004.
5. Kuhn T. *Struktura nauchnyh revoljucij* [The Structure of Scientific Revolutions]. Moscow, "Izdatel'stvo AST", 2003.
6. Ogurcov A.P. *Disciplinarnaja struktura nauki: Ejo genesis i obosnovanie* [Disciplinary structure of science: genesis and justification]. Moscow, Nauka, 1988.
7. Petrov V.M. *Kolichestvennye metody v iskusstvovedenii* [Quantitative methods in art studies]. Moscow, Akad. Proekt, Fond "Mir", 2004.
8. Schtein S.Ju. *Aktual'nye problemy iskusstvovedcheskih issledovanij* [Actual problems of art studies researches] in *Kul'tura i iskusstvo* [Culture and Art]. [the article is accepted for publication]
9. Schtein S.Ju. *Dejatel'nostnyj podhod v iskusstvovedenii* [Activity approach in art studies] in *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaja sreda. Vestnik MGHPA* [Decorative Art and environment. Gerald of the MGHPA]. 2017. №2. Chast' 1. Pp.99-109.
10. Schtein S.Ju. *Ontologizacija kak metod iskusstvovedenija* [Ontologization as the method of art studies] in *Vestnik RGGU. Serija "Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series]. 2017. № 2(8). Pp.125-134.
11. Schtein S.Ju. *Ontologija kino v koncepcii Andre Bazena* [Ontology of cinema in the concept of Andre Bazin], diss. ... kand.iskusstvovedenija : 17.00.03 : zashhishhena 20.04.2011[Mesto zashhity: Vseros. gos. un-t kinematografii im. S.A. Gerasimova] : utv. 09.02.2012. Moscow, 2011.
12. Schtein S.Ju. *Ontologija kino i ontologija zvukozapisi* [Ontology of cinema and ontology of sound recording] in *Vestnik RGGU. Serija "Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series]. 2015. № 2. Pp.140-149.
13. Schtein S.Ju. *Ontologija kino i ontologija televidenija* [Ontology of cinema and ontology of TV] in *Vestnik RGGU. Serija "Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie"* [RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Social Studies. Art Studies" Series]. 2016. № 4(6). Pp.135-146.
14. *Semiotika i iskusstvometrija* [Semiotics and artmetry]. Sost. i red. d-ra filol. nauk Ju.M. Lotmana i kand. fiz.-mat. nauk V.M. Petrova. Moscow, Mir, 1972.
15. Shchedrovitsky G.P., Dubrovskij V.Ja. *Nauchnoe issledovanie v sisteme "metodologicheskoj raboty"* [Scientific research in the system of "methodological work".] in *Problemy issledovanija struktury nauki* [Problems of research of the structure of science]. Novosibirsk, b/i, 1967. Pp.105-115.
16. Shchedrovitsky G.P. *Zametki ob jepistemologicheskikh strukturah, ontologizacii, ob'ektivacii, realizacii* [Notes on epistemological structures, ontologization, objectification, realization] in *Voprosy metodologii* [Methodology questions]. 1996. №3-4 (23-24). Pp.165-176.
17. Shchedrovitsky G.P. *Ishodnye predstavlenija i kategorial'nye sredstva teorii dejatel'nosti* [The basic concepts and categorical means of the activity theory] in Shchedrovitsky G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shk.Kul't.Polit., 1995. Pp.233-280.
18. Shchedrovitsky G.P. *Metodologicheskij smysl oppozicii naturalisticheskogo i sistemodejatel'nostnogo podhodov* [The methodological meaning of the opposition of the naturalistic and the activity-system approaches] in Shchedrovitsky G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shk.Kul't.Polit., 1995. Pp.143-154.

С.Ю. Штейн *Перманентная рефлексивно-методологическая работа
в условиях искусствоведения*

19. Shchedrovitsky G.P. *O specificheskikh harakteristikah logiko-metodologicheskogo issledovaniya nauki* [On specific characteristics of the logico-methodological study of science] in Shchedrovitsky G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shk.Kul't.Polit., 1995. Pp.350-359.
20. Shchedrovitsky G.P. *Principy i obshhaja shema metodologicheskoy organizacii sistemno-strukturnyh issledovaniy i razrabotok* [The principles and the general scheme of the methodological organization of system-structural research and development] in Shchedrovitsky G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shk.Kul't.Polit., 1995. Pp.88-114.
21. Shchedrovitsky G.P. *Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya* [Methodological problems of systems research] in Shchedrovitsky G.P. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Shk.Kul't.Polit., 1995. Pp.155-196.
22. Stjopin V.S. *Smena metodologicheskikh paradigim* [The change of methodological paradigms] in Hjubner K. *Kritika nauchnogo razuma* [Critique of Scientific Reason]. Moscow, IFRAN; Bonn, Inter Naciones, 1994. Pp.7-21.
23. Judin Je.G. *Metodologija nauki. Sistemnost'. Dejatel'nost'* [Methodology of science. Systematic. Activities]. Moscow, Jeditorial URSS, 1997.
24. *Nature*. Edited by Jeffrey Kastner. Cambridge, MIT Press and Whitechapel Gallery, 2012.